

ЛАБЫТНАНГИ

СИНИЙ АЛЬБОМ

Санкт-Петербург
2021

УДК 821.161.1-1(081)
ББК 84(2Рос=Рус)6-5я44
Л12

Лабытнанги. Жёлтый альбом. ISBN 978-5-4462-0125-9. СПб., 2019. 114 с.
Лабытнанги. Красный альбом. ISBN 978-5-4462-0111-5. СПб., 2018. 128 с.
Лабытнанги. Чёрный альбом. ISBN 978-5-4462-0095-5. СПб., 2017. 112 с.
Лабытнанги. Белый альбом. ISBN 978-5-4462-0082-5. СПб., 2016. 108 с.

ISBN 978-5-4462-0144-0

АДООДА

То, что кажется бегством от соцсетей,
от шеренг гламура, застывших в ряд,
от айфонов-айпадов не более, чем отпад
электрически отключённых от должностей,
придающих контактам контактный яд.

Не мечтай о тайне! Все тайны — плод
незнакомства с тенью, что есть во всём
искажающем самый неяркий свет,
и поэтому каждый неверный ход
в протокольчик впишет дотошный мент.

На плечах атлантов — не неба гладь,
а балкончик Зимнего, тонн на сто.
Он бы рад сбежать, но куда бежать?
И ботинок — нет. И не подобрать,
раз размер такой, что не даст никто.

Каждый здесь — атлант: что ни жизнь, то — ад!
Как гранит — молчи за скупой оклад,
приморозив зад, подпирай фасад!
А на первый взгляд, он как будто рад,
стерегущий вход, каменный отряд.

АНДЕРТАЛ

О.П.

Эдемский зоопарк благоухает утром.
Воистину здесь рай! Не Олдувай — Эдем!
Растения в росе стеклятся перламутром,
а от зверушек местных — торчал бы даже Брем!

Мы с Евой боги здесь! Живём в волшебной клетке!
С соседями везёт: осёл, козёл, медведь.
Мне нравится змея — я б с ней пошёл в разведку,
но, думаю, об этом и думать мне не сметь.

Злачёные врата откроются в двенадцать,
и потечёт толпа смотреть, орать, визжать.
Но я уже привык: они — не андертальцы,
а типа предки наши — отец и как бы мать.

Они так рады нам и через прутья клетки
протягивают хлам: жирнющую еду,
и жидкость в бутылках, и белые таблетки,
и шлют на «х» далёко — куда я не пойму.

Ведь вроде Парадиз — но по-шумерски мерзко!
Создатель, заступись! О, где ж он? Видно, спит.
Я с ужасом смотрю на мир из нашей клетки,
и по-аккадски гадско за андертальский быт!

Прощай, Эдемский сад... Змея, взломай-ка дверку!
За палеоконтакт — respect, merci beaucoup!
Нам нет пути назад! И хватит плакать, детка!
К зиме сообрази-ка нам куртки на пуху.

БАСКУНЧАКИ

Л. Ю.

Ты перешла на пирожки?
Блины? Возможно, кулебяки?
Соль слёз моих Баскунчаки
застепят сушью Баскунчаки.

Ты сваришь борщ. Потом — компот.
Сморозишь холодца на славу.
Козлобородый Ланселот
отведал всё и спит устало.

Я сказок знаю миллион.
Не только про принцесс и принцев.
Чему есть имя — легион,
и трудно им не покориться.

БУДУЩЕЕ ГУГЛИАРДОВ

Жизнь уйдёт далеко-далеко,
и мы даже не ляжем песком:
нас рассеет на атомы
в бесконечном до дури пространстве.
То, что было тобой (или мной?),
пролетит в темноте за углом
(нет, это всё-таки твой электрон
запищал: «Ой-ёй-ёй!» —
он опять, дурачок бестолковый,
опять — вот балда! — потерялся).

Но я буду искать! Я найду!
Как ребёнок игрушку под старым столом.
У меня гуглиард гуглиардов на поиски лет!
Без сомнения, ты удивишься
и скажешь: «Нашёл ведь, зараза!»
Чёрный мой углерод
встретит твой голубой кислород —
мы сольёмся навеки
в экстазе угарного газа.

В КОМНАТЕ

Это было бы здорово — тихо лечь ягуарово
на размякшем диванчике в тишине вашей комнаты,
без волнения взоры бы направляя на контуры
фиолетовых складочек интересное зарево.

Представляя обычное, но совсем несусветное
воспалённое зрелище в удивительных сумерках,
вашей светлости нежности ожидая ответные,
безусловно наивное заблуждение буйное.

Тем не менее, всё-таки я хотел бы надеяться
(невозможное кажется иногда очень будничным)
и мечтать о несбыточном в бесконечности вечности —
превосходное качество и действительно лучшее!

ВАЖНЕЙШЕЕ ИСКУССТВО (МОНОЛОГ РЕЖИССЁРА)

Я кому сказал: ложись! Только Машку ты не трогай!
Типа покажите жизнь! Машка, не ползи к Серёге!

В общем так: у вас — любовь. Это — пламенное чувство,
и изображать его призвано киноискусство!

Вы — как будто голубки: тыры-пыры-растопыры!
Слились, словно две реки... Начинайте: три, четыре!

Стоп! Куда граблём полез! Ручкой! Нежно! Шаловливо!
Представляй себе процесс — то прилива, то отлива.

Машка, ватник бы сняла! Холодно? Под одеялом?
Раздевайся! Догола! Ах, не хочешь? Снимем с Клавой!

Клава где? Иди сюда! Что пила? Коньяк? И пиво?
А потом? И всё? О да... Клава, ты меня убила!

Чьё там рыло влезло в кадр? Оператор Дарь Иванна!
Тоже хочешь? Вот кошмар! Уберите рыло с кадра!

Ну народец! Боже мой! Далеко до Голливуда.
Хоть кричи, хоть волком вой — не кино, а бред
абсурдный.

Всё! Закончили! Отбой! О, пора и мне к Параше.
Классик наш сказал: «Покой только снится»...
Как там дальше?

ВАКЦИНАЦИЯ

С пути нас не сбить! Породившие «Спутник»
излечат вакциной от всякой заразы,
чтоб ежесекундно, и ежеминутно,
и иже еси не введи, но избави,
и силу пошли ежевечно и сразу!

Мы станем бессмертны подобно Кощею,
и в небо взметнёмся за Бабой Ягою
на ступе с метлою! И все охренеют,
когда мы промчимся над лесом и полем,
болтая развратно нагою ногою!

А власть, опечалась от нашей свободы
и власти над временем и над пространством,
сожжёт на костре трудовые доходы,
скорбя и рыдая в порывах восторга,
и бросится с яростью в горькое пьянство.

Мы будем, как боги, найдя себе равных,
чей мозг — микросхема с программой отменной.
От рваной сансары к достойной нирване
союз нерушимый республик кошмарных
фанерной дырой пролетит над Вселенной!

ВЕДЬМЫ НА ЛЫСОЙ ГОРЕ

А на Лысой горе,
как сейчас — в ноябре,—
ведьмы, как самолёты, слетаются.
Жгут костёр до утра,
водку пьют у костра,—
в общем, всякой фигнёй занимаются!

А на Лысой горе
по осенней поре
ведьмы голыми в речке купаются.
И спортсменов-моржей
превращают в мужей,—
в общем, всякой фигнёй занимаются!

А на Лысой горе,
когда ночь на дворе,
дискотека у ведьм начинается!
Матом песни поют
и Билана не чтут,—
в общем, всякой фигнёй занимаются!

А на Лысой горе
всё готово к игре —
в карты-покеры ведьмы сражаются.
Ставки в гору летят,
ведьмы денег хотят,—
в общем, всякой фигнёй занимаются!

А на Лысой горе,
на опавшем ковре,
ведьмы курят потом и валяются.
И до новой луны
стоны ведьм не слышны —
просто бабы они — дурью маются.

ВЕЧНЫЙ КАЙФ

Опухнув в стойбище марксизма, метнулись мы
к капитализму
и, промывая мозги клизмой, так ошалели от забот,
что в беспредельности свободной, бардак устроив
всенародный,
лишились нити путевой в путине цепкой мутных вод.

Теперь страдаем, как уроды: текут бесцельно наши годы,
на деньги променяв свободу, на сытый хлев — мечтаний
дух.

Не нахожу себе я места — протухло наше королевство,
взрывают бомбы повсеместно и люди гибнут там и тут.

И нет печальнее картины: отечество лежит в руинах,
и к радости мозгов куриных, где стол был яств —
там гроб стоит.

Власть к вере направляет чувства: кто Магомету,
кто Иисусу,
кто Будде молится по вкусу, но нету толку от молитв.

Искусство в ложе у Прокруста исподнее снимает шустро
под свистопляску камасутры с утра до ночи напролёт.
Эфир гудит пчелиным ульем, но трудно трутням
в вихре буйном
привлечь вниманье звоном в бубен, где Герострат
пиарно жжёт.

Тьма неизвестная героев, что полегли на войнах строем,
отдавших море красной крови за Родину и за страну,
стоит, как кость, в оплывшем горле, мешая развивать
застолье,
и шельма опошляет подвиг, чтоб соответствовать ему.

И вечный кайф! Покой не снится лишь кладбищу
и психбольнице!
Стремится ввысь вспорхнуть синица в восторге
к синим небесам,
но не журавль эта птица и продолжает суетиться
в отребье заграничной пиццы — ей наплевать на стыд
и срам.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

О. Ш.

И разбежались за мгновенье поезда,
хоть никому и не был дан «зелёный».
Я чувствовал — волною утомлённой,
и снова — очень остро — резеда.

И мысли ссохшиеся — в кожаных чехлах.
О, как та лапка тонка, насекомая!
Под взглядом любопытным незнакомо
дрожало что-то в солнечных лучах.

И изогнулось гибкою змеёй,
и яд сверкал на острие зубов:
о, как хотелось испугать, ужалить!

Но был случайно тихим голос мой —
и неслышанным погиб печальный зов!
Не вышло ничего. Отставить.

ВСЕМ СВОБОДУ!

Свободу всем и навсегда! —
рабы кричали из подвала.
Рабам свободы не хватало
на их покорные стада.

Рабам свобода не нужна.
Для них важней — покой, порядок.
И с точки зрения раба,
ему не так уж много надо.

Свободу всем! Но почему?
Свободы нет, и не бывает
её в любом отдельном рае,
где вроде без рабов живут.

Свободу всем! Но для чего?
Налей сто граммов для разгона
бесчувственное божество,
и вмиг почувствуешь свободу!

Свободу! Но кому и как?
И раб, и царь сковались цепью
и погнались за мутной целью,
но — налетели на косяк.

И вместо армии труда
слепили армию уродов
для истребления свободы,
которая была дана
как солнце, воздух и вода.

ВСЕРЬЁЗ

Е. Ж.

Кто любит женщину всерьёз,— как кажется ему,
тот совершает очень крупную ошибку.

Любите женщину легко — приятно самому,
и женщину не мучайте своей любовью пылкой.

Попробуйте понять — чего ей хочется самой:
возможно то, что ей, увы, совсем другое нужно!
Пусть делает она — что хочется, а вы — своё, лисой,
ведите по пути, ценя любовь и дружбу.

Она — ребёнок. Не ругайте же её!
Не сокрушайте мозг ей силой интеллекта!
Быть богом трудно — грязи бытовой
и так навалом, и так будет permanently.

ГАДЖЕТ

У тебя в груди не сердце,
а винтажно плоский гаджет.
Со звонком из груди терций.
В инкрустациях витражных.

Ты бесстрашна, словно Будда.
Безморщинна. Гладкокожа.
Я любил тебя, Иуда,
крестоносно и безбожно.

Был распят. Без поцелуя.
Но воскрес, Христу подобно.
Я очнулся. Аллилуйя!
Не в постели. Не с Мадонной.

А любовь сгорела в гуглах
простодушной жаркой Жанной,
на костре оставив смуглый
пепел противопожарный.

ГАУПТМАНСКАЯ ЦЕПЬ

Их гетманы были продажны всегда
и рвали края на рубахе,
разя ради пана восстававших крестьян
за запись в безгербную шляхту.

Порой принимали ислам — ведь Аллах
не видел порока в проступке.
При случае нравственность быстро легла
под шведа с разодранной юбкой.

Бендеровский грех легендарит века,
в анналы входя конститутно:
от Фили к Степашке — цепочка крепка,
но, гауптштурмфюрер, паскудна.

Награда достойна великих времён!
В одном экземпляре как будто
за «верность» присяге Петром был вручён
естественный орден Иуды.

Предательства цепь — неразрывная связь.
И многие этим гордятся!
А люди обходят вонючую грязь,
стараясь не вляпаться в гадство.

ГЕОМЕТРИЯ

Л. М.

Когда умру... Я знаю, параллельна
тебе моя святая красота.
Ты — прост, изобретение двучлена:
«а» плюс «б» икс без степени квадрат.

Твой логарифм от мизерной зарплаты —
величина чуть большая, чем ноль.
Когда дифференцируешь по датам —
теряет беспристрастность Клод Шаброль.

Когда умру... Ты ляжешь симметрично,
как треугольник в сетке биссектрис,
разрезанный, как торт, мною лично.
Прощай, мой милый! Богу помолись!

ГОРОДОК СЫКТЫВКАР

Когда тебе становится ужасно грустно.
Типа Робинзона Крузо.
И тварь какая-то прошлась по лучшим чувствам.
Безыскусно. С жёстким хрустом.

Одинокий, словно ястреб,
машешь крыльями напрасно,
изумляя ниагарно всех гагар.
Можно сделать сказку былью
и билетик взять на крылья
в городок такой забавный — Сыктывкар!

Пройдись по улочке, шумящей хвойной веткой.
Типа Рэмбо. На разведку.
Легко заметишь сыктывкарочку-брюнетку.
Познакомься: «Здравствуй, детка!»

Скажешь: «Чудом залетел я
из столицы на неделю
на химический научный семинар».
Скажешь: «Одинок — как ястреб!
Одиночество — не красит!
Покажите, дорогая, Сыктывкар!»

Я полагаю, дорогая не откажет.
И улыбнётся. Может, даже.
Хотя здесь не было и нет ни Эрмитажа,
ни тьмы соборов, ни звёзд Пассажа.

И покажет тихий город,
где народ в трудах не стонет,
не пищит — как в ярости комар.
Можно сделать сказку былью!
Прилетай на лёгких крыльях
в городок простой российский — Сыктывкар!

ГЕРОИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

И. Ц.

Пора сниматься в образе героя
и отражать собой объект для подражаний!
Героем быть приятно — я не спорю!
Пусть подражают! Я не возражаю!

Наклеят, словно Цоя, на все стены!
«Серёга — жив!» — напишут, и, живее Цоя,
всем буду петь о том, что перемены
нам до звезды и нас не беспокоят!

Как человек, знакомый с звёздным миром,
замечу сразу: Солнце — жёлтый карлик!
Поэтому не стану я кумиром:
я — не звезда, и мне милее Чарли!

Пусть добрый Чарли — вечный неудачник,
и не видать ему ни славы, ни богатства,
но буду подражать ему, как мальчик:
наивно и без всякого зазнайства!

ГРАММАТИКА

Её моя так поразила гениальность!
Но лучше б отдалась она! Или отдалась?

О ё-моё! Застрял: грамматика — вот гадость!
Как надо: отдалась или отдалась?

Пока там что-то где-то как-то препиралось,
она ушла. Не отдалась. И не отдалась.

ДЕТСКАЯ РАДОСТЬ

И. Р.

Моя душа так беспокойна, что я сам
не понимаю всех её таинственных движений
и, сочиняя тонны стихопосвящений,
возможно, зря бросаю их к спешащим вдаль ногам.

Что делать? Я гоню взъерошенную муть
в поэзию открытого и чистого пространства,
где одиночество — в квадрате постоянство
того, что мне не даст никак нигде передохнуть.

Не обольщаясь ни в любви, ни в славе, ни в друзьях,
ни в результатах жизни повседневной,
и всё-таки не нахожу себя той снежной королевой,
которая так холодно могла рассудком управлять.

Мой бог! Тому минуло двадцать восемь лет,
как я пытался осветить улыбкой вечно врущих губ!
И если б мне тогда сказали: «Как ты беспросветно глуп!»,
то я ответил бы сейчас: «Ах нет! Я — безнадёжно слеп!»

О да: по-прежнему не знаю, что и как,
и почему, и отчего, зачем, когда и где...
Но, знаешь, что при всей непроходимой тупости своей,
по-детски радуюсь тому, что я не знаю, что такое «враг»!

ДИНАМО

Н.Д.

На каждой станции «Динамо»
легко заметить деву Еву.
Или парнишечку Адама.
Возможно, Лёву, Сашу, Севу.

Не с яблоком эдемо-змея.
Скорее, с пивом непременно:
весь мир залит дешёвым спамом —
столетней в чём-то королевы.

— Привет, чувак из Суринама!
— Здорово, тётка из Ростова!
— Ты как насчёт, чтоб в Роттердаму?
— А чё? Я, в принципе, готовый!

Друзья Людмилы и Руслана,
в дыму в Крыму у Черномора
пивной угар феназипама
разносит мозг вполне снотворно.

Печальна жизни панорама!
И результат — давно не новый:
отчёт о творческой программе
напишет местный участковый.

И, возвращаясь мандельштамно
в родимый городок портовый,
до слёз вздохнёшь, лаская шрамы.
Как Пьер Безухов. На Ростовской.

ДОЖДЬ

В тумане расплывчатых линий,
в мерцающем свете огней,
в тоске пролетающих мимо
бесцветных, безрадостных дней
я видел: на чахлых растеньях,
изогнутых к небу ветвях,
где листья — случайные тени,
где птицы — как будто в гостях,
внезапные, яркие фрукты
из южных и солнечных стран
раскинулись жарко и крупно
на скучных деревьях; и трав
повысился рост; и, как в джунглях,
я шёл по другим площадям,
по улицам, вспыхнувшим смуглым,
прекрасным, неведомым нам.
По синим, весёлым каналам,
по лилиям белым и робким
скользили небрежно и вяло,
как рыбы, изящные лодки;
но в воздухе пахло грозой!
И вдребезги резкие капли
разбили-размыли толпой водяною
те огненно-яркие пятна.

ДРУЖИЩЕ АНДРЕЙ

Я не буду рыдать над могилой твоей.
Да и что там, в этой могиле?
Мы рванулись на mine, дружище Андрей,
и не все мы остались живыми.

Мы пришли с пацанами. Налили слегка.
Помянули... Андрюха, дружище!
Сколько нас здесь лежит! В этих зыбких песках —
здесь не сотни, а многие тыщи!

Два народа схлестнулись на этой войне
за политиков подлых и лживых.
Ты рванул на mine, дружище Андрей!
Всю страну подорвали на mine!

Безразлично плывут надо мной облака.
Терпеливы мы, русские люди.
Подлецы остаются у власти пока
и мне жаль, что так было и будет.

Сотни тысяч загубленных в грязной войне!
Ваши души летят в поднебесье.
Я сию с пацанами у могилы твоей
и пою эту горькую песню.

ЖЕРТВА НАСИЛИЯ

Вы любите. Но — платонически.
А мне так хочется эротики!
Теоретически-практически
мне не лежать на вашем плотике.

Вы держитесь на отдалении,
предохраняясь расстоянием.
Какие с вами приключения?
Куда идти в своих желаниях?

Зачем ко мне во сне приходите
и пристаёте недвусмысленно?
И не с эротикой, а в оргиях —
так безобразно и неистово?

Вы доведёте до кондратия
и развратите даже мумию!
Я жаловался вашей матери —
та ржала, словно полоумная.

А с виду вы такая милая,
мой ужас в сонных домогательствах.
Я — жертва вашего насилия,
но не имею доказательства.

ЗАВТРА

Отчего на сердце грусть?
Отчего тоска-печаль?
Ночью поздней, ночью звёздной
почему чего-то жаль?
Мысли лёгкой и беспечной
что мешает сладко спать?
Что тревожит и зовёт,
заставляет ждать?

На рассвете, рано утром,
новый день придёт.
Может, ясным, может, хмурым
взглядом обведёт
все мои надежды, встречи вчерашних дней —
забытых дней.
В путь скорей по острым крышам,
в путь скорей!

И бежит, бежит усталый к исходу дня
и ждёт меня
уже новый — моё завтра
ждёт меня.
Снова зайчиком мелькнёт на той стене
и вмиг — в окне,
и растает навсегда
среди тысяч дней.

ЗЛОДЕЙСКОЕ СЧАСТЬЕ

Только лишь на теле дивы
можно быть чуть-чуть счастливым.
Но недолго.
И не часто.
И вообще без наслажденья.
Потому что дивы нет.

Видно, нет на свете счастья,
чтобы сразу и мгновенно
стать уверенно счастливым,
как какой-нибудь брюнет.

Я — ни капли не страдаю,
я — мозгами понимаю,
что чем старше становлюсь я,
тем становится грустней.

Не родиться мне вторично
с офигенной жизнью личной.
Но мне это безразлично —
вот такой уж я злодей!

ЗООХОЛОДИЛЬНИК

О. Ж.

У меня холодильник сошёл с ума.
У него в морозилке з6 и 6.
Из яиц — гадюк навывелось до хрена,
а из сыра — хвост торчит, растопырив шерсть.

Огурцом пупырится крокодил,
разевая пасть на чужой колбас.
Я убил бы всех, кто его родил!
Этих гадов тьма, что кричи «атас»!

С мужиками сдвинули на окно,
фиганули с пятого на асфальт...
Но откуда под окнами взялся слон?
И жираф. И буйвол. И леопард.

ИМИТАЦИЯ

Отвратительно противный
некто после ста мартини
может стать чуть-чуть добрее,
чем кусок вообще железа
или каменный кирпич.

Я, владея совершенно
ситуацией говенной,
воскресаю мавзолейно
вездесущий, как созданье
под названием Ильич.

От коленок до печёнок
я люблю любых девчонок,
как волчонок коlobчонка,
как Герасим собачонку,
как лисица сыр у птицы,
что сидит, как говорится,
у районной психбольницы
на суку бездетном дуба
с обязательным дуплом.

Но девицы, словно львицы,
саблезубо могут злиться,
и лягаться кобылицей,
и кусать за ягодицы,
чтобы не совокупиться,
как Россия с Украиной
двухголово, но с орлом.

Что же делать, друг мой милый?
Где же яростная сила
Геркулеса и Ахилла,
чтобы мощью сексапила
Лахта Охту поразила,
имитируя процесс?

Вроде рано лечь в могилу,
привлекая некрофила
звуком цифровым мобилы,
отправляя, как мудила,
весть до Нижнего Тагила
под названьем sms.

И О ПОГОДЕ

Погода лепечет: «Налей!»
А ветер стенает: «Давай!»
А ну-ка возьми сто рублей
и быстро — в метро и трамвай!

Молись, не молись — всё равно:
ведь душу свою не спасёшь!
Чем где-то валяться бревном —
купи себе радость на грош!

И будет тебе хорошо!
Хотя бы на двести минут.
Плесни-ка мне капельку, Джо,
пока меня в гроб не впихнут!

ИНСТРУКЦИЯ К РАСПИСАНИЮ

Привыкнуть к расписанию тюрьмы
довольно трудно, но вполне возможно:
надень такую омерзительную рожу,
чтоб рожу не лишили головы.

При выборе останься на ребре.
Что тоже трудно. Ни орёл, ни решка
не станут выходом для хрупкого орешка,
попавшего на зуб тупой муштре.

Живи свободно, не имея ничего.
Достаточно одной катушки ниток,
чтоб быстро залатать обтрёпанный обрывок
и выглядеть приличным существом.

Не приближайся близко к пахану.
Его любовь воистину змеина.
Он как бы человек. Почти. Наполовину.
Другую половину не пойму.

Администрации белее нет.
Невидима. Неслышна. Но случайно
не пробуй, любопытный, прикоснуться к тайне —
послушай своевременный совет.

Закон — суров. Для узников тюрьмы.
Пигмеи не рожают прометеев.
Что там на воле — мы понятия не имеем.
Так и живём. А как живёте вы?

ИЮЛЬ

П. Г.

За твой вопрос неинтересный
я обниму и расцелую.
Давай пройдемся по июлю,
взмывая вечер звонкой песней?

Но ты тиха, как изваянье
девицы в мраморе бесполом,
я а priori понимаю,
что не смогу обеспокоить.

Я стану тенью непорочной,
скользящей возле ног в чулочках,
и привидением непрочным,
входящим в сны вампирным скотчем.

Жизнь улетает быстрой пулей
и кончится неинтересно.
Давай пройдемся по июлю
и пропадем в безлунной бездне?

КАМЕНЬ

Перемелется — будет мука.
Не мука, а, наверное, мука.
Каменюка глядит на облака
без единого звука.

Вишь летят... Наблюдают чаво...
Тут лежишь — ни за что пропадаешь...
Невесёлые мысли его,
как газету, читаешь.

Ты бы сам — взял, да и полетел,
показал бы пример нам, кретинам.
Я ушёл. Он спокойно смотрел
на бескрылую спину.

КАРЕТУ!

Я — романтически наивен.
Вы — любознательно холодны.
Роман наш, словно «Мартин Иден»,
бесперспективен в чём угодно.

Я — прожигатель лёгкой жизни.
Вы — труженик невероятный.
Поэтому вы с укоризной
глядите на меня так нервно.

Не заслужить мне милость вашу
ни в небоскрёбе, ни в подвале.
Хоть башню в кашу я расквашу —
вы пожалеете едва ли!

Вам безразлично — это ясно.
Скорей карету мне, карету!
На поиски смешного счастья!
Но где ты, счастье? Счастье, где ты?

КАФЕ ЛЮБВИ

Ю. А.

Кафе любви — прелестное местечко:
в коричневой волне белеется сердечко,
и вафельки заряжены — как пушки —
готовы жахнуть — сладким и воздушным.

Тарелочки поставлены на лица,
когда-то занимающих страницы
журналов и газет, экранов и реклам,
и впечатляют всех кофейных дам.

Пытаясь вылезти «из-под», страдает Гейбл.
Напрасно, дорогой! Твой face на table
прилеплен крепко — и не отодрать!

Вот так! И Баттлер не поможет бедной Харе —
та задыхается под блюдцевым кошмаром
и матерится так, что не могу сказать!

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСЕНКА

Твою маму съели волки,
потому что волки — злые!
Волк не любит пепси-колку
и бананы привозные.

Волку нужно много мяса.
Правда, в маме мяса мало:
бухгалтерия и касса,
а сама она — костлява.

Сумка — есть. Набита — дрянью.
Дряни — много, толку — мало.
Волк — не лох и есть не станет
после йоги твою маму!

Он найдет чего почище!
Или что-нибудь получше!
Потому что он — волчище!
И поэтому он — злющий!

Ты сгодишься: мягкий, сладкий —
будет что погрызть в тенёчке!
Так что ты ложись в кроватку
и не вздумай бегать ночью!

КОМА

Я в коме каменной давно.
Я лёг на дно. Я еле слышен.
На бархатном крыле летучей мыши
пишу своё печальное письмо.

В моих ушах стоит такой невнятный шум,
что ни смещения времён отчаянные вздохи,
ни бред, ни катаклизмы, ни пройдохи
не могут взбудоражить мой бесплодный ум
на подвиги в развалинах эпохи.

КУЛЬТУРА И СЧАСТЬЕ

Благоухая, словно клумба, начистив пёрья и ботинки, Семён Израилевич Клунин пошёл на выставку картинок. В тот день на Невском было людно: народ разглядывал витрины. Семён Израилевич Клунин к музею шёл неторопливо.

Бродя в тиши музейных залов и тёток видя полуголых, Семён Израилевич Клунин внезапно вот о чём подумал: «Что, Сёма, может, в этом счастье — лежать в обнимку с юной девой, лаская выпуклые части, что выставляются так смело?»

Семён Израилевич Клунин был этой мыслью ошарашен и даже вроде стал испуган, и даже, может, стало страшно. Смутился. Писать захотелось. Ах да: внизу, у гардероба! Нетерпеливо ныло тело, готовясь к Ноеву потопу.

Успел! Влетел подобно вихрю под белокаменные своды, сияющие светом митры, и — отошли с журчаньем воды... Прощай, великая культура, и здравствуй, истинное счастье! Семён Израилевич Клунин нашёл его. За двести баксов.

ЛАКРИМОЗА

Шёл обнажённый женский шторм,
сметая деньги и здоровье.
Я думал: «О, я ни при чём!»
Но нет: он шёл, как греки, в Трою.

Да, от души резвился шторм,
ломая жалкие жилища:
летели крыши косяком,
по-журавлиному курлыча.

Народец жался по углам,
прося спасения у бога.
Но бог скрывался: видно, сам
испуган штормом был немного.

И город был сожжён дотла.
Стою один на пепелище.
Вдыхаю едкий мёртвый смрад,
голодный, сломленный и нищий.

Кругом — куда ни кинешь взгляд —
одни развалины и трупы.
В живых остался только я.
Но почему? Не знаю, глупый...

О да, по счастью, то был сон.
И я проснулся. Как ни странно.
Мне показалось: Мендельсон?
Нет: Лакримоза и сопрано.

ЛИЛИЯ

Как-то некто в Боливии (или где-то в Бразилии) с заурядной фамилией, взяв для пафоса лилию, в путь-дорогу недлинную — двадцатисемимильную, на свидание с Лилией (но, возможно, с Эмилией или, вроде, с Сесилией, впрочем, может, и с Лидией) шёл легко к другу милому, без тоски и уныния.

Не дождавшись Сесилии (но, возможно, Эмилии или, может быть, Ливии, впрочем, нет, точно — Лилии), плюнул вдаль обессилено, выпил рюмку текилова и ушёл вдоль по линии восояси в Бразилию (или, скажем, в Боливию, да хоть к чёрту — в Башкирию) весь в слезах крокодиловых, бросив белую лилию!

ЛУКОМОРЬЕ

Ваше тело нужно гладить
нежно, чувственно и долго,
но, к моей большой досаде,
легче переплунуть Волгу,

чем коснуться вашей кожи
безупречной и прекрасной —
и сижу я с мрачной рожей
безобразной и несчастной.

Изоляция, Наташа,
безусловно, прекратится,
словно птица, радость ваша
в нашей северной столице

вмиг вспорхнёт на ветку дуба
лукоморного пошиба.
Я молчу, желая чуда.
Безупречно. Словно рыба.

МЕЖДУ ФАКТАМИ

О, я смотрю, ты уже в online —
у тебя борьба, фермеры, политики, дразги.
Ну а я в кабаке пою под баян,
пивом залиты строчки на грязной бумаге.

В стороне от всех мировых проблем,
в оккупации серых, как небо, мыслей,
разгребая ворох нетленных тем,
я кричу о любви в её лучшем смысле.

Мой корабль режет Колумбом волну,
от родного берега — дальше и дальше.
Что зовёт бродягу покинуть свою страну?
Да ему, отщепенцу, ничто не страшно!

Пусть кораблик, как мальчик, бежит, но куда?
Что ему в берегах тех с неясной дымкой?
Чтобы, как Робинзон, сдуреть от чужого следа,
в одиночестве от других следов отвыкнув?

Я теряю время, по капле — жизнь.
В этот поезд не вскочишь, раздвинув клетки.
На пустой платформе стою один
между фактом рождения и фактом смерти.

МЕЧТЫ ПОД ДОЖДЁМ

Л. Г.

Открыть окно и слушать мат
безумно-белой летней ночью.
Рожок заправить в автомат
и в голос — очередью сочной!

Вмиг стихнут вопли под окном
и бомжики уснут навеки.
И я забудусь сладким сном,
как в банке мелкая монетка.

О да, приятней слушать дождь!
Без выражений, откровений.
И помечтать. Как вечный вождь.
Владимир Путин. Или Ленин.

НАДЕЖДА, ЛЮБОВЬ, ВЕРА...

Я живу без Надежды. А Надежда живёт без меня.
А Надежда пьёт кофе. А Надежда идёт на работу.
У неё всё в порядке — течёт бытие жития.
У меня же творится фигня. И вообще всё не так.
Отчего-то.

У Надежды часы для весны и волшебные лёгкие сны.
У неё золотые весы и затянута туго повязка
на её правосудных глазах острогрудой персидской княжны
за бортом дивной сказки блудливых шатров шемаханских.

Я с Любовью читаю Роман. Но Роман и Любовь —
не по мне.
Что мне в этой Любви ненасытной? Одна нервотрёпка
и только!
И к тому же безумный Роман. И зачем мне Роман,
наконец?
Где Роман — там обман, балаган и впоследствии страшно
неловко.

Обращался я к Вере. Но Вера сказала: «О нет!
Это дело — святое! Куда ты в своих сапожищах?
Следуй в зал ожидания, купишь в кассе на поезд до Рая
билет.
Вот тогда приходи, милый друг, так сказать, за духовною
пищей».

Позвонила мне Слава. «Давай, — говорит, — отдохнём.
Возлежим в эмпиреях. На Славу оттянемся вместе

на пару!»

Я подумал уныло: «О да, Слава — будет. Возможно.

В теории. Или потом.

Но сначала — могила и гробик с кошмарным приветом

Эдгара!»

НЕ О ВАС И НЕ О СЕБЕ

Я — не поэт. Я — просто киллер.
Романтик пули и ножа.
Стихи люблю — как нервный триллер.
Пишу их кровью. Не спеша.

Стальные нервы. В шторм душевный
стою я непоколебим
и траура кайму на жертве
рисую выстрелом одним.

Его душа — под небесами...
Семь цифр ложатся на листок.
Наш безобразный мир веками
математически жесток!

НЕБО В АЛМАЗАХ

А.Г.

Не все наши планы смогли воплотиться.
Наверное, что-то мешало процессу.
Так хочется сердцу влюбиться в девицу!
Но, знаешь, ей это не так интересно.

Немного застряли на месте отхожем,
где вирус заполнил Дворец Молодёжи.
Теперь не отмыться от грязи, похоже,
и рож препротивных не выколешь шприцем.

Одна суета — словно в горном ауле.
Чуть что — с верхотуры вопят муэдзины,
а в сакле джигит, Сулико карауля,
от скуки листает триады Плотина.

Как всё измельчало в антракте спектакля!
Буфет обесчещен толпой белоглазой.
И скучно, и грустно, и больно, и жалко,
и вряд ли увидим всё небо в алмазах.

НЕВОЗМОЖНО

Жаль, но больше не придётся
пить вино на дне колодца
ни тебе, ни мне.

Тусклых домиков оконца
плачут, пряча слёзы солнца,
в чёрном декабре.

Не бродить под палым небом,
не кормить краюшкой хлеба
бедных мокрых птиц

вместе с тенью непотребной
из расщелины Эреба:
Puttin' on the Ritz!

Жизнь, пронзённая стрелою,
вряд ли может много стоять.
Максимум — пятак.

Невозможно стать любовью.
Даже с правдой. Или с ложью.
Всё равно. Никак.

НЕГРОМОНТЕН

Побывать в чужой стране — как выпить залпом водки:
от неожиданности можно сразу окосеть.
Мой взгляд пустой ползёт по склону чудной горки
и утомляется глядеть на эту каменную твердь.

На беленьких домах краснеет черепица
и невозможности цветущи повсеместные.
Порядок кукольный — так хочется напиться,
но — не с кем выпить: ведь совсем не пьющи люди
местные.

Сгорая на песке, как рыб на сковороде,
и счесуёвившись всей кожей в раздражении,
на берегу не нахожу я ни одной красоты,
с трудом удерживая без цензуры выражения.

Пора мне в Питер! И довольно унижений:
пусть Черногория от русского открестится,
европеоидно на кассе в «еврах» дешеветь.
Прощай! И засчитай мне две недели за два месяца!

НЕРВОТРЁПКА

Жизнь — сплошная нервотрёпка!
Нервотрёпка — жизнь моя!
Люди, дайте хлеба корку!
Не дают! И тут фигня!

Жизнь застряла костью в глотке.
Костью в глотке — жизнь моя!
Дайте сто рублей на водку.
Не дают! И тут фигня!

Жизнь моя — как дрянь хромая!
Дрянь хромая — жизнь моя!
Ты не дашь мне, дорогая?
Не даёт! И тут фигня!

Жизнь моя — как на вулкане!
На вулкане жизнь моя!
Дайте яду мне в стакане!
Не дают! И тут фигня!

Жизнь пуста и безобразна.
Безобразна жизнь моя!
Мама, миленькая мама,
как так вышло? Знал бы я!

НЕСКРОМНОСТЬ

Я так тактичен и деликатен,
что сам собою я изумляюсь!
Откуда только всё это взялось?
Вопрос понятен и неприятен.

Без сантиментов: воспитан грубо,
шпана блатная — моя маманя.
Вот что-то грузно лежит в кармане,
чтоб тёмный дворик оскалил зубы.

Я — всесторонен и элегантен,
амбициозен и грациозен,
и развит чувственно и, как Спиноза, я — виртуозен!
Как Нострадамус — я непонятен!

Я — обольстительней Казановы!
Я — притягательный огонёчек
для лёгких крылышек одиночек.
Аминь! Покеда! Летите снова!

НЕТЕЛЕФОННЫЙ РАЗГОВОР

Я запрещаю вам входить в мои больные сны!
Оставьте глупости свои, пожалуйста, за дверью!
Вам так не терпится! Вы так возбуждены!
Мне отвратителен ваш гадкий пух и перья!

Зачем вам хочется разрушить мой уют?
Вы въётесь надо мной, подобно мухе ресторанный.
Всё время врёте, врёте, врёте. Подлый плут!
Вам лишь бы разыграть меня с ухмылкой павиана.

Мне хочется... Мне хочется... Вы знаете, чего?
Ах, всё! Оставьте и уйдите всё-таки куда-нибудь
подальше!
Чертополох! Репей! Кривляка-лицедей! Вы — клоп!
В вас столько похоти и грязи, пошлости и фальши!

Вас не смутить, мне кажется, ничем!
К чему вы прикоснётесь — то испорчено, погибло
и пропало!
Вы — ядовитая змея. Точнее — гадкий змей!
У вас нет ни души, ни светлых идеалов!

Ну ладно. Говорите мне ещё. Ещё-ещё-ещё-ещё.
Все уши прожужжали мне. Совсем как пчёлка Майя.
О, не морочьте голову мне, дорогой дружок!
Что мне подарите? Да? Да! Из норки? О, из горностая!

Отправимся в круиз? Мой несравненный герцог
Бекингем!

А я? Что я? Я — королева Франции! Ну а для вас
я просто Анна!

Да с кем я разговариваю? Да, собственно, ни с кем.
Сама с собой. Всё хорошо. Да, успокойся, мама!

НОВОЕ ВРЕМЯ

Новое время — новая жизнь.
Деньги имея, живи — не тужи.
Я грустно считаю копейки,
но мне не набрать ни рубля.
Наверное, бог позабыл про меня.

Всех восхищает наш президент:
в каждой конторе — на стенке портрет.
Чиновник и уголовник
отвалят ему свою мзду.
Но в президенты я не пойду!

Быть инженером приятно вдвойне:
ветер в карманах, туман в голове.
Приборы, моторы и споры,
я знаю, сейчас не в цене.
Стал белой вороной, но счастлив вполне.

Можно пытаться и жить как Христос!
Но возникает коварный вопрос:
за что же вы, друзья, распяли
того, кто вас сильно любил?
Не было денег. Не угодил!

Новое время — новая жизнь.
Деньги имея, живи — не тужи.
Я грустно считаю копейки,
но мне не набрать ни рубля.
Всем повезло, ну а мне...

НОЧЬ И ДЕНЬ

Ночью — во сне
я летаю, как птица.
Ночью — в башке моей
носятся песни.
Ночью — мелькают
знакомые лица.
Ночью — стихами
пронизанный весь я.

Днём — я не слышу
чарующих звуков.
Днём — я болтаюсь
от двери до двери.
Днём — за углом
поджидает старуха,
косит моё драгоценное время.

О СЕБЕ И О ТЕБЕ

Я — страстный и нежный.
Я — нежный и страстный.
Как небо — безбрежный.
Как кобра — опасный.

Я — буду вам другом.
Я — буду подругой.
Спасательным кругом.
Жестокой подпругой.

Вы — будете милой.
Вы — будете слабой.
Как Моника с Биллом —
обычную бабой.

Вы — будете в шоке.
Вы — будете в коме.
Как вольты под током,
убитые омом.

ОБМАН ЗРЕНИЯ

Я ещё не готов так торчать от листов,
и глистов, и клопов, увеличенных
микроскопом в чудовища ужасов в сто
или в тысячу раз неприличнее.

Подарите мне, девушка, лучше очки!
Чтоб вообще ничего мне не видывать!
Я наощупь бы жил возле вашей реки
в максимальной до слеподырова!

Я бы трогал так нежно вас за руку и
наслаждался бы жизнью невнятной.
Это было бы счастье в журчащем аи
бесприборное и безаппаратное.

ОНЕ

Оне — не русские, оне —
народец подлый и двуличный,
замешанный в салат столичный,
но впереди и на коне.

Им злато выело глаза.
На всё глядят, пронзая взором,
в их беспросветном приговоре
не замечается слеза.

Оне нас учат, как нам жить
в колющем праведном законе.
Висит икона в каждом доме,
где не приходится тужить.

На страже преданная рать:
всегда готова без приказа
под корень вывести заразу,
чтоб не посмела в ум вратать.

Средневековье не мертво!
И велика его корона
от той вороны двухголовой,
но я надеюсь: «Nevermore!»

ОСТРОВ

А. Т.

Никаких вопросов — уплыву на остров.
Здравствуй, мой желанный!
Здравствуй, долгожданный!
Здравствуй, дорогой!
Остров — это чудо,
и я один скучать не буду,
если нужно отдохнуть душой.

Никогда не поздно
быть поближе к звёздам.
Я мечтал об этом,
я искал ответы,
может, тысячу лет.
Остров — это чудо,
и в мечту я верить буду,
а без веры — счастья в жизни нет.

Но совсем не просто
отыскать свой остров.
Океан — безбрежен,
ветерок — несвежий,
и надежды — нет.
Остров — это чудо,
но искать его я буду,
потому что он так нужен мне.

Мне найти бы только остров в океане!
Остров в океане!

ПЕСОЧНЫЕ ЗАМКИ

Как соблазнительно легка
любви порывистой строка,
в ней я не знаю всё — наверняка.
В моей руке — твоя рука,
любить клянёмся на века,
но ненадёжны замки из песка.

Все высоты Гималаев,
вечность древних пирамид
тонут в зыбком океане
переменчивой любви.

Любовь не купишь за рубли,
любовь сжигает корабли
и отрывает крылья от земли!
И глохнет в страхе вороньё,
и возраст — жалкое враньё,
и нет нигде преграды для неё!

Звёзды детские секреты
мне расскажут о себе,
время будет незаметно
слушать эту дребедень.

Любовь не знает «никогда»
и покоряет города
одним дыханием и без труда!
Любовь повсюду и везде
напоминает о себе,
и от неё не спрячешься нигде.

Всё сплетено великой силой —
каждый атом слит с другим,
все законы и стихии
подчиняются одной любви!

Пусть неспокоен океан,
но мне не страшен ураган —
меня хранит мой талисман!
Очаровательный обман —
твоя любовь — мой талисман!
Храни весь мир, мой талисман!
Весь Млечный путь — одна дорога,
она принадлежит — тебе!
И пусть костёр, зажжённый богом,
освещает путь во мгле!

ПЕСЕНКА ПИРАТОВ

Я не люблю слово «штиль», мне нравится слово «шторм».
Слабых пугает встречный ветер, но это, увы, не для нас.
Несколько футов под килем. Народ на колени! Гребите! Но
наша добыча — ром, а не вонючий квас.

Нас стая морских волков, одиноких пустых сердец.
Нам наплевать на неверность женщин и слабость глупых
детей.

Каждый из нас готов на нее найти конец,
и мало на свете причин для чего-то ещё, сто тысяч
чертей!

Мозг разрывает боль. Мама, прости меня!
Я никогда не вернусь! Никогда! Никогда! Никогда!
Нас ждут плавники акул и вся океанская грусть.
Скитаться — моя судьба навсегда, навсегда, навсегда...

Нам нравится убивать, насиловать, грабить, жечь!
Адская кухня — раскалённая дьяволом печь!

ПОД ОБРАЗАМИ

А. Ч.

Под образами окосеть в бревенчатой избе,
налившись, словно клюква, самогоном,
скользнувшим студнем по пустой трубе
с огурчиком, редиской, помидором.

Потом расслабленно курить у чахлого костра,
разглядывая жалкие сараи,
и слушать, как в огне пищат дрова,
и, между делом, в рюмку подливая,

от жара покраснеют лица баб и мужиков.
А, может быть, и не совсем от жара?
Под хохот филина пойдёшь во тьму лугов
с какой-нибудь по имени Тамара.

Невдалеке, упав бревном в пахучий рыхлый стог,
хотя, возможно, и не в стог, но всё же
в то мягкое — из гибких рук и ног,
нетерпеливо хлынувшее в дрожи.

И, наконец, очнувшись на распаренной печи
под колокольный звон в башке чугунной,
немедленно поймёшь, как дальше жить
под образами по убийственным секундам.

ПОЕДЕМ К МОРЮ!

Покинем город. Поедем к морю.
Там волны плещут. Там чайки стонут.

Поедем к морю. Вдвоём с тобою.
Забудем город, тоску и холод.

На южный берег. На пляж пустынный.
От двух Америк и от России.

Мы оторвёмся со страшной силой.
Ты рассмеёшься. Ты скажешь: «Милый!»

И сердце дрогнет. Оно — не камень.
И мне напомнит. Жестока память!

Остановился. И взгляд — на «скорый».
Уже простился. И снова в город.

ПОМОЩЬ АНГЕЛА

Я ангела ждал, а он не идёт,—
наверно, у ангела много хлопот.

Проблем — выше крыши, и бед — через край!
Давай, прилетай и меня выручай!

Но ангела — нет и помощи — нет.
Что делать? Кто дал бы мне дельный совет?

А может быть, он далеко улетел
по случаю безотлагательных дел?

А может, задержка в пути у него?
Вопрос — вроде к богу, в ответ — ничего!

А может, жена у него — сатана?
Тогда самому ему помощь нужна!

А ежели дочка — гадюка-змея?
И тёща — не ангел, а просто свинья?

А может, страдает он больше, чем я?
А может? Но вряд ли... Простите меня!

Не буду гадать бесполезно и зря!
И стану я ангелом сам. Для себя.

ПОСЛЕДНИЙ ГЕРОЙ

Вот — я. А вот — город. И мы — заодно.
Я снова натянут струной.

Я чувствую нежность гранита мостов,
протёртой до дыр мостовой.

Я — Улисс. Я снова вернулся сюда,
откуда и не уходил.

И снова глотаю знакомую пыль
заброшенных братских могил.

ПОСЛЕДНИЙ ЗРИТЕЛЬ

Последний зритель покидает тёмный зал —
он ожидал таинственных открытий.

А может, он случайно что-то потерял?

А может, просто заблудился этот зритель?

А ты всюду звенел серебряной струной,
и горло рвал, хрипевшее надсадно,
в полёте чувств безумных к женщине одной,
с которой связан красной нитью Ариадны.

Но эта женщина не грезила тобой —
другой мужчина и любовь другая
ей были дороги. Случается порой
так в этой жизни — и о том ты пел, страдая.

И ты хотел, чтобы у зрителя душа
вдруг вздрогнула от драмы заурядной,
и чтобы он потом, к себе домой спеша,
шёл и насвистывал мотивчик твой отпадный.

И чтобы смог он в жизни всё преодолеть,
плечо подставив под беду любую.
Наверно, для того ты и старался петь,
и мучился всю ночь, над строчкою колдуя.

Последний зритель покидает тёмный зал.
А ты — весь мокрый, словно мышь, в забытии,
и усмехаешься, хотя ты так устал...
А хочешь, я спою ещё, последний зритель?

ПРИВЕТ, ПРОХОЖИЕ!

Е. К.

Представьте, что в соседнем детском саде
все дети тебя папой называют,
а мамы их тебе щебечут: «Милый,
пора домой! Мы ждём тебя, наш голубь сизокрылый!»

А ты офигеваешь, «дежавю»,—
по очереди мамочек целуя
и по квартирам проходя, как коридором,
уже не различая, где твой дом, в котором

на полочках разложены платочки,
рубашечки и галстуки, носочки,
и, собственно,— компьютер, документы
и причиндалы прочие неврастений интеллигента.

От литра водки ты не стекленеешь!
Глядишь в окно — и видишь яркий message,
написанный на небе кем-то анонимно:
«Привет, прохожие! Не прислоняйтесь!

И не проходите мимо!»

ПРИГЛАШЕНИЕ НА ВАЛЬС

Пригласить вас на вальс? Нет, не здесь. Не сейчас.
Вы простите меня за такую банальность.
Трудовой онанизм приведёт организм
в безутешный оргазм, если не ошибаюсь.

Ты сидишь, словно моль на облезлой шерсти,
тыча пальцем в экран дорогого айпада.
Ты — дешёвая шлюха с двадцати до шести,
а с восьми до семнадцати — тусклая падаль.

В нашем чудном краю нет свободных людей:
те, что были — ушли, словно Китеж, под воду,
ну а те, что остались — забыли о ней,
потому что рабам недоступна свобода.

Одинокий, как перст, в безразличной толпе
безобразных троллей, оболваненных властью,
я не верю ни в крест золотой на попе,
ни в звезду на шесте с окровавленной пастью.

Я бы проклял весь свет, но уехать — куда?
На планете нет мест, где почувствуешь радость.
Так плесните цикуты в стакан, господа,—
я готов умереть. Хоть сейчас! Улыбаясь!

ПРОСТО

Принимаю на веру — всё, что хочешь —
принимаю на веру!

Не теряю надежды, ничего не имея,
не теряю надежды!

Побеждённый любовью — не встаю на колени,
побеждённый любовью!

Полагаюсь на сердце — не на разум,
полагаюсь на сердце!

Оставаясь во всём — человеком,
но подобием Божьим!

РАЙСКАЯ ЖИЗНЬ

Рай — без окон и дверей.
Как войти? Не знаю.
А в аду очередей
нет — так пропускают.

Очереди не люблю —
мне не надо рая.
Чёрт со мной — ему налью
полную, до края.

Лучше с чёртом пить коньяк —
пусть душа пылает!
Ангел подождёт меня,
крыльями махая.

Вечность грешность отмывал,
пивом запивая.
Бедный ангел заскучал
от тоски по раю.

Отпустили! Всё! Пока!
Скатертью дорога!
Ни девиц, ни кабака —
так оно у Бога!

Деньги ангелу совал —
не берёт! Он — честный!
В рай, как в клетку, затолкал —
как страдаю здесь я!

РАСПИСАНИЕ НА НЕДЕЛЮ

Е. К.

Полежу-ка в понедельник
часиков до трёх в постели.
А во вторник — взять джин-тоник
и лежать до четырёх.

В среду можно встать к обеду.
По-английски. В шесть ноль девять.
Но в четверг я не поеду
в офис к неграм! Что там делать?
Заниматься всякой хренью,
развлекая трёх дурёх?

Ну, а в пятницу, под вечер,
я вспорхну, как лёгкий ветер,
и уверенно на встречу,
словно Тэтчер, понесусь.

Говорил один диспетчер:
вечер будет бесконечен,
но закончится под утро,
и веселье сменит грусть.

Вот и стала быть суббота.
Значится, не на работу.
Сухость в чём-то эшафотна.
Рядом — некто из Лесото.
Мыслей рвота косорото
душу мучает в аду.

В воскресенье — воскресну.
Встану с песней ровно в десять,
и по Невскому проспекту
к «новой» жизни я пойду!

РОЛИКИ И ШАРИКИ

Трудно любить весь мир.

Потому что мир почему-то не всегда любит тебя.
Бывает и так, что именно ты ему совсем не нравишься.
Миру нравится что?
Да вот чёрт знает что!
Да какая-нибудь фигня!
А ты, дурилка картонная, всё маешься-маешься.
Всё маешься-маешься...

Вот такая она — жизнь!
И такой у нас сейчас — просто месяц май.
Ты пройдёшь рядом,
не признавая, не узнавая,
не прикасаясь, не огорчаясь,
неся своё сердце в сейфе —
в несгораемой камере-одиночке.

Но я всё-таки напишу это.
Как-нибудь прочитай.
Даже в конце самого длинного мейла
в РС невозможно поставить
очень жирную точку.

Сердцу запрещают любить.
Но ему ведь не приказать!
Эй, говорят! Дура, тише, блин!
Молчать! Стоять!

Но куда же ему, бестолковому мячику, деться?
А да, никуда!
Потому что оно неспособное отказать,
потому что оно — всё-таки сердце.
Всего лишь глупое-глупое сердце...

Как хорошо, однако, когда крышу сносит не от вина
и не от абсурда мира скучающих трудоголиков!
Приятное чувство — свобода!
Цена, правда, неотделима
(или не отделена?)
от процесса тихого съезда
шариков с роликов.
Роликов с шариков,
шариков с роликов.

РОЗА

Лежу я с розой на постели.
Глаза большие — как у лани!
Но я хочу на самом деле,
чтоб больше денег мне давали!

Тебе до фени будет Мутин,
когда живёшь себе в Майами
с американкою распутной
развратно на большом диване.

Какие, на хрен, россияне?
Кому нужна она, Россия?
И, блин: в глазах опять — Майами.
И парус белый в море синем.

РОМАНС О СОБАКАХ

О.Ш.

Как люблю я смотреть на собак!
Как, собаки, они хороши!
Я их буду любить просто так. Просто так.
Просто так. Просто так. Для души.

Кобелька прогуляться возьму.
Поводок посильней натяну.
Ах, как радостно мне погулять при луне!
Мы — вдвоём. При луне. В тишине.

Я скажу ему: «Голос! Сидеть!»
Он так преданно будет «служить».
Верный друг! Верно будет глядеть
на меня и взаимно любить.

К сожалению, правда, не все
так послушны, как хочется мне:
ни надеть поводка, ни заставить слегка,
ни скомандовать «рядом»! Вот так!

СЕВЕРНЫЙ ГОРОДОК

Пусть денёк безрадостный
угрюмо хмурит бровь,
северный — наш серый городок.
Не грусти, пожалуйста,
и пусть твоя любовь
тронет сердца чей-то холодок!

Я любил. Любовь, быть может,
не прошла совсем
и, надеюсь, скоро не пройдёт.
Раз печаль ничтожна,
а мечте предела нет,
значит, рано брать себе расчёт.

К горизонту тянутся
тугие паруса
и солёный воздух вдаль зовёт.
Капитан, пожалуйста,
возьми на два часа —
покатай маленько взад-вперёд!

Высоко летит над нами
ангел на игле в нирване,
улицы дрожат в тумане дня.
Как в романе — жизнь в дурмане,
но приятней нет обмана,
и я рад, что это — жизнь моя!

Дни мелькают кадром клипа
и нелепо позабыты,
но молитва нас пока хранит.
Год от года, век от века
на углу стоит аптека,
и фонарь по-прежнему горит.

СКАЗОЧНАЯ ЛЮБОВЬ

Ты влюбилась в меня — как лягушка.
Я ошибся в тебе бесконечно.
Что же делать с тобою, подружка?
Попрощаемся. Сразу. Навечно.

Не рассчитывай, что поцелую.
Не надейся на глупые сказки!
Детство кончилось! Я не ревную —
на Кощея направь свои ласки.

Может, станешь когда Василисой,—
вот тогда мы с тобой потолкуем.
А пока — извини, путь неблизкий:
мы к русалкам идём. Потанцуем!

Не грусти, что у нас параллельно —
мы сойдёмся в другом измереньи.
Вот как Баба Яга: захотела —
замуж вышла за Горыныча-змея!

СКЛОНЕНИЕ

Ваш саблезубый шаг и двоекрылый взмах
готов поколебать подобие пространства.
Я — всемогущий маг и буйный вертопрах,
я вас легко склоню к бессмысленному пьянству!

Зачем вас принуждать? Зачем вас заставлять?
Вам нечего терять — вы дьявольски несчастны.
Давайте разметим судьбы нелепый ком,
поскольку наша жизнь ужасна и прекрасна!

Забудьте о тюрьме — пусть тонет тьма в вине!
Напиток так себе, но всё-таки весёлый.
Я быстро отвлеку на сорок семь минут,
вам будет хорошо от газа в альвеолах.

Вам будет хорошо — чего желать ещё?
Есть бесподобный паж у вашего подножья,
но есть опасный чёрт — его возьми в расчёт,
пока вино течёт рекой неосторожно.

СКОВОРОДКА

Давайте купим сковородку!
Давайте блинчиков нажарим!
И не несите вашу водку —
я вас без водки обожаю!

Зачем меня очаровали
и взором светлым одарили?
Чтоб я чирикал «трали-вали»
и кукарекал «дили-дили»?

Я беспросветен — как могила!
Мой парк зарос травой усталой.
Но как приятно слышать: «Милый!»
Хотя я и неглупый малый.

СКОЛЬЗЯ ПО ПЛОСКОСТИ

Моя любовь скользит по плоскости твоей,
не находя зацепок, но особенной причины,
чтоб не любить тебя, по-видимому, нет.
В помятом сердце одинокого мужчины
на самом дне мерцает этот свет.

Мне невозможно тронуть льды души твоей;
я не надеюсь больше и, скорее, безответна,
нема моя любовь — она всегда молчит.
Застрявший мой кораблик ждёт движенье ветра,
бедняга-дурачок на полпути.

Не поразить воображение твоё;
и всё же как тебя увижу, радуюсь по-детски,
болтаю, глупости несу и всякий раз
о ерунде мечтаю, но заноза в сердце
вошла бревном в давно ослепший глаз.

СКОТЧ

А. П.

Всё так драматично и горько: ни котика, ни домишки.
А я заведу собаку покруче любых волков —
и чтобы зубищи «лесом» торчали у собачищи,
и чтобы её пугались три тысячи мужиков!

Чтоб сам президент России считал меня за мессию,
и чтобы он за «спасибо» подмёл, посадил, убрал.
Но, чувствую, без собаки (см выше) непереносимо
терпеть, распыляя силы души вековой накал.

Поставлю собаке миску. Насыплю собаке корма.
Тем более, что собака — один килограмм всего.
Была бы она побольше! Но — скотч... Небольшая форма.
И зубы... Зубищи-зубы. Их парочка у него.

СОВРЕМЕННАЯ ДЕВУШКА

Е. Ж.

Я думал, что девушка хочет любви —
а девушку тянет к ученью и знаниям.
Ей хочется ручки засунуть свои
во внутрь чего-то, уже без названья.

Я думал, что девушка хочет в кафе,
расслабиться как-то под солнышком жарким,
а девушка бизнес ведёт с «Нескафе»
и строит заводы в Гонконге и Аккре.

Я думал, что девушка хочет в кино,
смотреть жгучих чувств на экране движенье,
но девушка театр купила давно,
актёров-монтёров со всей дребеденью.

Я понял, что девушек не понимал,
и вряд ли пойму хоть когда, к сожаленью.
«А, собственно, что это ты написал? —
прочла и сказала — Займись-ка ты делом!»

СОЛДАТСКАЯ ПЕСЕНКА

Когда я уйду — закрой плотно дверь
и свет погаси на крыльце.
Но ты не грусти никогда обо мне,
улыбку храня на лице.

Пусть сгину бесследно в кровавом бою,
затерянный в месиве тел.
Я выбрал такую дорогу свою,
я этого сам так хотел.

Пусть май шелестит зелёной листвой
и весело птички поют.
Мне жаль, что уже я не буду с тобой —
солдаты недолго живут.

Но ты не грусти никогда обо мне,
улыбку храня на лице.
Когда я уйду — закрой плотно дверь
и свет погаси на крыльце.

СОНЕТ БЕЗ СЛЁЗ

Вы избегаете свидания со мной.
Я плачу, как ребёнок, горькими слезами,
когда бы плакать мог. Мои цветочки вянут,
когда б они росли,— но нет их, боже мой!
Глупы, наверно, домогательства мои.
Моя настойчивость незванна, как татарин,
и, видимо, заслуживает грубой брани,
но, дорогая, попытайтесь извинить.
Черкните пару строк — я буду ими жить
и повторять сто тысяч раз, как заклинанье,
тем обманув своё дурацкое сознание,
что представляет так легко тот вечер с вами
и понимает радость той смертельной раны,
которую, мой врач, так трудно излечить.

СОЧУВСТВИЕ

Э.Б.

Признаться, приятно сочувствие ваше,
хотя моё сердце — дубовая чурка,
но даже и волк своим хвостиком машет,
когда его ручкою гладят по шкурке.

Пусть каркает грач! Бестолковая птица —
ворона-вороной, сорока-сорокой!
Пусть только мне крик его ночью не снится —
плохая примета постольку-поскольку.

О да, хороша жизнь, бегущая дальше,
хоть нитка — всё тоньше и звёзды — всё ближе...
И как-то приятно сочувствие ваше,
хотя моё сердце — ледышка-ледышкой.

СПОРЫ О ЕДЕ

Нас Аллах учил терпению:
терпим молча и страдаем.
Шубха вредна, к сожаленью.
Может, и недоедаем...

Mio giorno, Cosa Nostra!
Padre anche ama soldi!
Пища не должна быть острой,
но она должна быть, вроде...

Я без мяса и без рыбы
жить могу четыре года.
Я могу и дольше, ребе, —
такова моя порода!

Удивил кита селёдкой!
Тоже Господи Иисусе!
Я могу с бутылкой водки
раза два сгонять до Марса,
только б не забыть о вкусе!

Вы живёте, как изгои!
Без здорового питания:
без биг-маков, кока-колы
жизнь — сплошное наказание!
Химия — залог здоровья:
Proctor — пучит, Gamble — крепит,
пастор — учит, доктор — лечит...

Что-то в брюхе так херово, —
может, съесть чего под вечер?

СТАНЦУЕМ ТАНГО?

Сижу в тоске орангутанга,
воображая себя Кинг-Конгом.
И, розовея от лая динго,
одноногово торчу с фламинго.
Довольно долго в тягучем манго
на берегу дремучем Ганга —
а, может, Нила? Нет, лучше Конго! —
я вместе с мунго, как Бинго-Бонго,
свергая иго, кричу убого
и вдохновенно читаю книги
о гинекологе из Того
и вождедеющем Таманго,
балдея в аббавом Фанданго,
мечтая о ручьях Вайкики,
в испуге юга и с другом Микки.
Темней индиго, светлей маренго,
в шинели, сбруе и портупее,
неся дичь полную и ахинею,
вам предлагаю: «Станцуем танго?»

СТАРЫЙ СОЛДАТ

О. Ш.

Я — старый солдат. Я зол и суров,
и много железа в моей чёрной крови.
Но ты так мила, но ты так нежна,
пожалуй, придётся сегодня мне петь о любви!

Спасибо тебе, что ты терпишь меня —
степного волка на волшебном пиру.
Ты очень добра, ты очень мягка,
и я постараюсь это ценить, пока не умру.

Я зажгу все эти звёзды! Я спою все эти песни!
Я куплю букет цветочков — чтоб понравиться тебе!
Даже если это глупо, запрягу я чёрта в ступу
и отправлюсь в неизвестность хоть за тридевять земель.

СТАТУЯ СВОБОДЫ

Мосты в разводе, и я свободна.
Снимаюсь гордо на этом фоне.
Не отвечаю на письма лорда,
когда он пишет ко мне без фото.
Супергерои — все негодяи.
Я их не знаю, не различаю.
Такая есть. Я есть такая.
Не ошибись, мой милый!
Не ошибусь, родная!

СТРАННАЯ ЖИЗНЬ

Странная жизнь быстро бежит,
но всё не так, как я хотел и как решил.
Трудно понять, но отчего
манит одно окно, но
как попасть туда, в тот знакомый дом,
где счастливым был, не зная о том?

Кто ты, скажи, странная жизнь,
сколько тебе нужно за это заплатить?
Я не приму лжи этажи,
мне нужно от души!
Пусть мир сошёл с ума и я махнул рукой,
я не стал другим, я был собой.

Только вперёд что-то зовёт
и не даёт спокойно, тихо, мирно спать.
Только одно мне суждено,
и потому я не спешу,
я буду ждать миллионы лет,
пусть возможных шансов больше нет.

ТИПАЖ

О. Ш.

За счастье кататься на этой волне
плачу по дешёвке — всей жизнью!
Моя дорогая, я счастлив вполне
разглядывать глазки синие.

Совсем не сумел накопить барахла,
недвижимости неподвижной.
Словами набита моя голова
из разных, но стоящих книжек.

Сто слов за сто баксов навряд ли продашь,
но дело, конечно, не в этом —
меня занимает престранный типаж,
что пьёт свою горькую лету.

Он принципиально далёк от меня,
но в чём-то мы очень похожи —
он воздухом дышит таким же, как я,
и совесть не прячет под кожей.

ТИХИЙ УГОЛОК

В вашем домике тихо — как в гробике:
так уютненько здесь, так красивенько!
Это просто мечта уголовника —
педофила, убийцы, насильника!

Это просто мечта суицидника:
в белой ванночке — вспаривать веночки.
Как повешена люстрочка низенько —
это чтобы повеситься, деточка!

Ваши столики в беленьких рюшечках
и в оборочках. Для покойничков?
Нарублю топором — как севрюжечку!
Как колбасочку — остреньким ножичком!

Привяжу-ка покрепче верёвочку
и подкину дровишек в печурочку.
Буду ждать свою милую девочку,
и зажарю её — словно курочку!

ТОСКА

Когда стихает гул санкт-петербургский,
то я стою, взирая на вокзал.
С его платформы поезд вёз на курсы,
которые давно с отличием кончал.

И вот, затем, женившись на Ирине,—
я прожил с нею сорок девять лет,
теперь сижу на пенсии отныне
и пью свой крепкий чай с полукило конфет.

Сижу и сожалею грустной жизни.
Приходят внуки — чёрт бы их побрал!
Эх, ну зачем женился на Ирине?
Какого хрена я попёрся на вокзал?

И думаю — что я? А, например, Алёха:
закончил курсы еле-еле, не женат.
А посмотри — живёт себе неплохо:
и водку может пить, и никаких внучат!

Завидую! Эх, жизнь моя, жестянка!
Ученье — тьма! А женщина — тюрьма!
Сыграй, Алёха-друг,— возьми тальянку!
Ах, эта песенка свела меня с ума!

ТРЯПОЧКИ

Нелепо к тряпочкам пришиты ляпочки.
Как будто тряпочкой прикроешь холмики,
овражки, горочки, тропинки, ямочки.
Вот география для мелких гномиков —
пустых охотничков, попавших в яблочко.

Куда ж ты, милая, глядишь упряменько?
Какого лешего желаешь яростно?
Не по-хорошему покровы сброшены
и в простынь белую упали парусом.
О чём ты думала? Что скажет маменька?

А всё по-глупому, неосторожненько!
Бежала тёлочка по переулочку:
споткнулась, глупая, на месте ровненьком.
Жаль крохотулечку: разбилась дурочка,
теперь игрушечка в руках убогоньких.

УБЕЙ МЕНЯ НЕЖНО!

«Убей меня нежно», — шептала она,
вздымая волну под капроновой блузкой.

Я с грустью подумал: «Она же пьяна!
Уйти по-английски?» Ушёл по-французски.

Потом по-вьетнамски мы пили чаёк,
и было так грустно, как только у русских.

С портрета подмигивал весело Блок
глазком с поволокой и губочкой узкой.

ХИМИЧЕСКАЯ ИЗМЕНА

Я изменю тебе химически,
тем отношения испортив,
не изменив тебе физически.
Меня сама пошлѐшь ты к чѐрту.
Я стану девой! Феерической!
Призывно дядям улыбаюсь.
Посмотришь. Плюнешь драматически
и скажешь: «Фу, какая гадость!»

ХОРОШО!

Хорошо быть гениальным, с кучей бабок, сексуальным, сильным, молодым, красивым, без семьи и без детей, со счастливой гладкой харей, разъезжая на Ferrari, подкатиться к деве юной, улыбаясь, как тюлень!

И к девице обратиться: «Не желаешь прокатиться?»
И она ведь не откажет, потому что ей важней побывать императрицей — хоть денёк! Как говорится, не летят на север птицы, а летят куда южней.

Я вообще весёлый парень, но во мне живёт татарин, и поэтому не зван я никуда никак никем: не хожу по ресторанам, а валяюсь на диване — сочиняю и играю на гитаре целый день.

Но кому нужны те песни, раз за них жена повесит или выгонит из дому, как паршивого кота?
И стихи мои, хоть тресни, не поднимут планку пенсий, а улягутся соломкой у подножия креста...

ЦИНИК

И. А.

Да, я — далёк, циничен и ленив:
не напишу и сотни сообщений,
и общий с девушками не смотрю я кинофильм,
и чаще наблюдаю расхождение с ними мнений.

Я буду рад за вас и за него,
как радуются пущенной ракете:
«Вернулась... Надо же!» И восхищенье оттого,
что в результате почему-то получились дети.

Кораблик мой — без марсов и венер;
не лезу внутрь — чтоб не сломать игрушку,
но фига с два меня удавит рыжий «Англетер»,
и в слабости навряд ли лягу я виском на мушку.

ШЛАНГ

Т. Л.

Прикинуться шлангом — змеиная хитрость!
И я сиротинкой казанской прикинусь,
и в жалость ударюсь! На женскую милость
нельзя полагаться, но я понадеюсь
и, может быть, даже куда-то продвинусь.

Хотя бы в движеньи к красивому телу —
оно, безусловно, достойное кисти!
Хотя рисовать ни фигу не умею,
но соображаю в практическом смысле
в той части бесценной довольно умело.

Конечно же глупо, и тупо, и пошло
писать ахинею по поводам разным!
Но что же ещё вдохновит обормота?
Прыжок с парашютом вдвоём с бегемотом?
Бурение вглубь землеройнопролазно?

И крыши Помпеев Везувии сносят
и грязью заваливают их безобразной...

ЭЛЕМЕНТАРНО, ВАТСОН!

Я бился, словно рыба, головой об лёд.
Мне говорили, что я бьюсь нелепо и напрасно.
Мне говорили, улыбаясь: «Что ты бьёшься, идиот?
Раскинь умом! Элементарно, Ватсон!»

Успеха — не видать. Я продолжал ползти.
В тех норах в полный рост не встать без специальной
каска.
Мне не хватало воздуха, и сердце бухало в груди:
«Куда ты прёшь? Элементарно, Ватсон!»

Товарищи мои отстали по пути,
и одиночество кружило вороном так часто,
что, как безумный, повторял я: «Ох, с ума бы не сойти!»
Уже сошёл? Элементарно, Ватсон!

Но возвращенья — нет! Далёкая звезда —
мой призрак, видимый в ночи и в горьких водах
пьянства,
не может отпустить — и поезд без меня несётся вдаль:
«Билетов — нет! Элементарно, Ватсон!»

Какого чёрта? И к чему мартышкин труд:
ни славы, ни добра, ни популярности, ни денег?
А то ещё к ответственности уголовной привлекут!
Вопрос — ответ: «Элементарно, Шерлок!»

ЭПОХОТЬ

А.Б., В.Г., Д.Е., ... Щ.Ш., Э.Ю., Я

Самый сладкий и безмятежный сон — сон
в гробу.

Из мыслей В.И.Ленина

(Кремль, Мавзолей, 1924–2024)

Мои друзья на «ин» и «ич»
с переизбытком чувства долга
до дня, когда Большой Москвич
так далеко и так надолго

пошлёт ребят гонять телят,
где степь гола, подобно деве,
где часовой орлиный взгляд
ласкает мушкой на прицеле.

В небесной выси бездна звёзд!
Но что тебе в небесной выси?
Из бездны ада мост из слёз:
пишите письма Беатрисе.

Но если вдруг назад придёшь —
случайность есть на самом деле,—
то в меморандум всадишь нож,
как будто это чьё-то тело.

Я ВАС ЛЮБЛЮ

Я вас люблю. Я сразу вас заметил.
И даже слушать вас готов. Везде. Всегда.
Я счастлив, что вы есть на этом белом свете,
как воздух, и цветы, и звёзды, и вода.

Как деньги, жемчуга. Как брошки, побрякушки.
Как золото-серебро. Как экстра-хай-топ-лайф.
Но выше всех столпов, как Александр Пушкин,
я буду вас ценить, беречь, не портя кайф.

Непризнанный поэт несёт стихи на кассу,
но я — я не такой непризнанный поэт.
Ведь далеко не все вы любите гримасы,
но — любите стихи. А я, признаться, нет.

Я ВЕРНУСЬ, ПЕНЕЛОПА!

Гадят боги понемногу,
не дают спокойно жить.
И, бывает, до порога
не дойти и не доплыть!
В тьму-далёкой-таракани,
у Цирцеи на бобах,
я застрял. Но как достало!
И не выбраться никак!
Пенелопа! Пенелопа!
Я вернусь, любовь моя!
Я вернусь, раз Пенелопа,—
Пенелопа ждёт меня!

Боги — глухи. Судьи — слепы.
Нет надежды никакой!
Нимфы — шлюхи. Всё — нелепо.
Весь эфир — сплошной отстой!
Все друзья порастерялись
в лотофаговых краях.
Бизнес, между нами, — гадость,
и не стоит жалких благ!
Да пошли они все к чёрту,
эти лучшие друзья!
Я вернусь, ведь Пенелопа,—
Пенелопа ждёт меня!

Полицейская сирена.
Одноглазый огонёк.
Говорят мне откровенно:
«Ты — никто! Пошли, дружок!»
Между Сциллой и Харибдой
нет прохода морякам.
Прокурорская Фемида
не даёт Фетиды нам.

Пенелопа! Пенелопа!
Я вернусь, любовь моя!
Я надеюсь, Пенелопа,—
Пенелопа ждёт меня!

ЯЙЦО

В.Г.

Курицу яйцо учило:
Ты меня не так снесла,
слишком криво положила,
слишком мало берегла:
недогрела и ушла.
Как тебе не стыдно было?

ЯМА НИРВАНЫ

Как тихий скромный червячок
(немного шумный, но — с друзьями),
я не выдавливаю смог
на стенки из помойной ямы.

Я девушек вообще люблю:
они не пьют, они не курят,
хотя к иному кобелю
они бросаются, как дуры.

Им не завидую, хотя
при случае не отказался
и бросился бы очертя
в дремучий лес под стоны вальса.

Я развлекаюсь как могу,
проматывая состоянье!
Где б только Бабу-не-Ягу
найти и умереть в нирване?

СОДЕРЖАНИЕ

Адоода	3	Кафе любви	39
Андертал	4	Колыбельная песенка.	40
Баскунчаки.	5	Кома	41
Будущее гуглиардов	6	Культура и счастье	42
В комнате	7	Лакримоза	43
Важнейшее искусство (монолог режиссёра)	8	Лилия	44
Вакцинация	9	Лукоморье	45
Ведьмы на Лысой горе	10	Между фактами	46
Вечный кайф.	12	Мечты под дождём	47
Впечатления	14	Надежда, Любовь, Вера...	48
Всем свободу!	15	Не о вас и не о себе	50
Всерьёз	16	Небо в алмазах	51
Гаджет	17	Невозможно	52
Гауптманская цепь	18	Негромонтен.	53
Геометрия	19	Нервотрёпка	54
Городок Сыктывкар.	20	Нескромность	55
Героические проблемы.	22	Нетелефонный разговор	56
Грамматика	23	Новое время	58
Детская радость.	24	Ночь и день	59
Динамо	25	О себе и о тебе	60
Дождь	26	Обман зрения	61
Дружище Андрей	27	Оне	62
Жертва насилия	28	Остров	63
Завтра.	29	Песочные замки.	64
Злодейское счастье	30	Песенка пиратов	66
Зоохолодильник.	31	Под образами	67
Имитация	32	Поедем к морю!	68
И о погоде	34	Помощь ангела	69
Инструкция к расписанию	35	Последний герой	70
Июль	36	Последний зритель	71
Камень	37	Привет, прохожие!	72
Карету!	38	Приглашение на вальс	73
		Просто	74

Райская жизнь	75	Статуя свободы	96
Расписание на неделю	76	Странная жизнь	97
Ролики и шарик	78	Типаж	98
Роза	80	Тихий уголок	99
Романс о собаках	81	Тоска	100
Северный городок	82	Тряпочки	101
Сказочная любовь	84	Убей меня нежно!.	102
Склонение	85	Химическая измена	103
Сковородка	86	Хорошо!	104
Скользя по плоскости	87	Циник	105
Скотч	88	Шланг	106
Современная девушка	89	Элементарно, Ватсон!	107
Солдатская песенка	90	Эпохоть	108
Сонет без слёз	91	Я вас люблю	109
Сочувствие	92	Я вернусь, Пенелопа!	110
Споры о еде	93	Яйцо	112
Станцуем танго?	94	Яма нирваны	113
Старый солдат	95		

Литературно-художественное издание

Лабытнанги. СИНИЙ АЛЬБОМ

Верстальщик *Н. А. Вознесенский*

Корректор *А. В. Бульченко*

Подписано в печать 26.04.21. Формат 125 × 200 мм.
2,73 уч.-изд. л. Тираж 100 экз. Оригинал-макет под-
готовлен в ООО «Издательский дом „Коло“». 197198,
Санкт-Петербург, пр. Добролюбова, д. 1/79, оф. 206.
www.kolohouse.ru. Отпечатано в ООО «ИПФ „Рено-
ме“». 192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного ка-
нала, д. 40. Тел.: (812) 766-05-66. www.renomespb.ru

